

Культура. — 1998. — 20-26 авг. — с. 13
Чайковский — наше все

Разговор в Клину

Меньше чем через месяц начнется XI Международный конкурс имени Петра Ильича Чайковского. Самого композитора мало заботили конкурсы, но именно его имя увенчало это грандиозное музыкальное состязание. Почему? Да потому, что Чайковский стал символом. Великий русский поэт — Пушкин! Великий русский композитор — Чайковский! Это вошло в сознание. Если Пушкин — это Михайловское, то Чайковский — конечно же, Клин. Вот оно, место обитания небожителя. На деле не имеющее ничего общего с Олимпом — напротив, покоряющее своим земным, человеческим уютом. Я разговариваю с хранителем архива Чайковского, исследователем его творчества Полиной Ефимовной ВАЙДМАН. Кажется, она знает о композиторе все и даже больше.

— Дом-музей Чайковского — особое место. Это даже не музей, а именно дом, усадьба. Тут такое количество экспонатов, вещей, мелочей. И все — подлинное. Создается ощущение, что композитор где-то рядом, все время присутствует его дух. Вам не страшно, Полина Ефимовна?

— Не страшно, но очень волнующе. Потому что это действительно дом. Не созданный музей, а усадьба, оставленная ее владельцем. Хотя, строго говоря, Чайковский не был владельцем. Будучи великим композитором, он не оставил ничего из недвижимого имущества, и дом ему тоже не принадлежал. Просто он здесь жил, работал, и здесь все осталось на своих местах. Этот дом уникален. Другого такого композиторского музея нет во всем мире.

— И в этом большая заслуга родственников Чайковского, которые приложили все усилия, чтобы сохранить дом в таком виде.

— Безусловно. По примеру родных Чайковского — его брата Модеста Ильича, его племянника Владимира Львовича — родные Толстого оставили Ясную Поляну, а родные Чехова — дом в Ялте. Эти музеи шли уже вслед Дому-музею Чайковского.

Здесь каждая вещь, каждый документ говорят о своем хозяине. Представляете, в нашем доме хранится большая папка чистой нотной бумаги — ведь это "неналитый" Чайковский!

Или сафьяновый альбом, в котором переплетены письма родителей композитора друг к другу. Некоторые послания, датированные 1844 годом, сопровождаются детскими приписками. Например, отец, Илья Петрович, пишет жене в Петербург, а в конце — каракули четырехлетнего Чайковского и подпись: "Намарано Петей". Это первый автограф композитора. А последний, относящийся к 3 октября 1893 года, — рукопись Третьего фортепианного концерта, заканчивающаяся волнистой, ниспадающей линией. Я пересмотрела все рукописи Чайковского, ни один автограф не заканчивается вот так. Здесь как бы поставлена точка — в жизни и творчестве.

— В силу разных причин Чайковский у нас очень долгое время оставался бескровным символом, неким "мраморным" столпом. Но сейчас — не в последнюю очередь благодаря вашему музею — начинают открываться его человеческие черты.

— В течение восьмидесяти лет у нас считалось, что частная жизнь человека не имеет значения, глав-

ное — его творения. Но ведь творения не рождаются из воздуха. Для того чтобы написать "Франческа да Римини", "Ромео и Джульетту", Четвертую симфонию с этими страшными "ударами судьбы" и потрясающими лирическими темами, сколько нужно было пережить и как нужно было жить! Чайковский всегда волновало, как соотносится личность творца с его музыкой, и он мучился, отягощенный (как каждый человек, но, может быть, ощущая это острее, чем обычный человек) бременем собственных грехов. На полях книги о Моцарте он писал примерно так: "Моцарт — гений, и все в нем было гениально: и человек, и творец". Эта проблема мучила его до последних дней. А ведь мифотворцы создавали некий усредненный облик русского интеллигента, спокойного, ведущего размеренный образ жизни. Меня потрясла фраза, которой Нина Берберова заканчивает свою книгу о Чайковском. Фраза эта написана со слов Рахманинова: ему казалось, что Чайковский всю жизнь словно носил маску, а когда ушел из жизни, эта маска исчезла.

— Чайковский скрывал свою частную жизнь от окружающих. Нехотя о ней говорили и биографы композитора. Но интересно оставался! Я вспоминаю, как в 86-м году, проходя практику в Доме-музее в Клину, мы, студенты консерватории, водили экскурсии. Бывало, рассказываешь, показываешь, потом говоришь: какие вопросы? — и начинаешь, а правда, что Чайковский был таким-то, о нем говорили то-то. Признаться, мы ощущали некоторую растерянность.

— Я вас прекрасно понимаю. Когда я пришла в музей, было то же самое: Чайковский — великий композитор. Слушайте музыку! Но как понять эту музыку? Взять тот же Первый концерт. Это весеннее, казалось бы, полное жизни сочинение, но оно почему-то написано в тональности си-бемоль минор — тональности Сонаты Шопена с похоронным маршем! А когда мы начинаем вслушиваться в ритмические фигуры, в трансформации той же "Веснянки" или в первую часть... Страшные, страшные сценки. Понимаете, что такое весенний, радостный концерт в тональности си-бемоль минор? А ведь внешне у Чайковского в тот период все было благополучно. Но мало кто знает, что всего за полгода до того он пережил сильнейшее потрясение. Покончил с собой Эдуард Зак, девятнадцатилетний юноша, которого он любил, опекал. Буквально через несколько дней

после трагедии композитор написал Шесть пьес на одну тему — с похоронным маршем (!). Отголоски этих потрясений мы слышим через четырнадцать лет, накануне создания Пятой симфонии. В это время Чайковский записывает в дневнике: "Перед отходом ко сну много и долго думал об Эдуарде, много плакал". А несколькими днями позже: "Богу вряд ли нужно знать, как и отчего молятся. Молитва Богу не нужна, но она нужна нам". Опять борьба с роком, борьба за душу, за право жить, чего уже в Шестой симфонии не останется.

— Полина Ефимовна, ваш музей ведет интенсивную исследовательскую работу. Наверное, постоянно находятся какие-то новые экспонаты, новые письма, которые что-то добавляют к облику Чайковского — то, о чем мы раньше не знали, не задумывались.

— Вы знаете, это как барханы — ветер сдувает песок, и что-то открывается. Я без преувеличения могу сказать, находки и открытия — каждый день. Ну а минувший год принес нам настоящую сенсацию — мы услышали голос Чайковского! Многие поколения искали этот валик. Ведь было известно, что композитор дружил с Юлием Ивановичем Блоком, который демонстрировал в России фонограф Эдисона и записывал голоса великих людей — Толстого, Танеева... Но валик с голосом Чайковского (нерашифрованный) долгое время хранился в Пушкинском доме — в блоковской коллекции. И вот дом получил описание этой коллекции, где за номером 583 значилось: Василий Ильич Сафонов, Александр Иванович Губерт, Елизавета Андреевна Лавровская, Петр Ильич Чайковский. Мы идентифицировали все голоса "неопознанного" валика и без труда узнали голос Чайковского: "Вот молодец! А Эдисон еще лучше!" Это перекликается с письменным отзывом Чайковского о фонографе Эдисона, сделанном им в 1889 году; он заканчивается словами: "Слава великому изобретателю Эдисону!" — своеобразное пророчество о будущем веке звукозаписи.

Когда мы принесли валик и прослушали его, было такое чувство, словно мы всегда слышали этот голос. Даже если бы нам не сказали, что это голос Чайковского, мы бы все равно его узнали! Веселый, жизненно яркий, наполненный эмоциями. Вот сегодня они вместе с Рубинштейном выступали — Рубинштейн играл, Чайковский дирижировал, а после концерта собралась тесная компания (дело происходит, скорее всего, 6-7 января 1890 года, через несколько дней после этого Чайковский уедет во Флоренцию писать "Пиковую даму"). Скорее всего, встречал эту организацию сам Чайковский — по просьбе Блока, который мечтал записать на фонограф игру Антона Рубинштейна. Все вместе друзья уговаривают Рубинштейна сыграть что-нибудь, тот отказывается, не желая "увечивать свои ошибки". А Чайковский как инициатор, режиссер этой встречи пытается все взять в свои руки. Его "Вот молодец!" относится к Лавровской, которая, словно подавая пример Рубинштейну, выводит специально для фонографа виртуозные пасса-

жи. В воспоминаниях Блока ведь есть описание этой сцены, но теперь мы услышали ее собственными ушами! Кстати, наша находка не исключает того, что существует и другой валик с голосом Чайковского, где должна быть уже студийная запись. Эта же запись — любительская, бытовая.

По-видимому, дружеский ужин "с участием" фонографа плавно перетекает в завтрак. И вот Чайковский пишет записочку своему издателю Юргенсону: "Петр Иванович, хорошо завтракаем с друзьями. Пришли сто рублей". И потом Юргенсон очень долго разыскивает Чайковского, чтобы отдать ему эти сто рублей. Слово, как говорили о Пушкине: у гения все соткано из самой трезвой прозы. Вот он, живой Чайковский, говорящий, общающийся.

— На всех, кто слышит этот голос, он производит неизгладимое, почти мистическое впечатление. И, что удивительно, всем без исключения кажется, что именно таким голосом с таким тембром и должен был говорить Чайковский! Кстати, общительным, "компанийским" Чайковский был не только во время встреч с друзьями, но и "на расстоянии", в письмах.

— Только представьте, в своей жизни он написал около шести тысяч писем! Это то, что мы знаем на сегодня. Почти тысяча человек была с ним в переписке!

— "Долг вежливости равен долгу чести", — кажется, так он любил говорить...

— И все-таки не только долг — манера жизни. Такая интенсивность общения, такая концентрация жизни — и такое внутреннее горение! Абсолютно вся музыка Чайковского, каждая ее нота — автобиографична и прожита. Я глубоко в этом убеждена. Может быть, поэтому такое раннее старение. Ведь когда мы смотрим на портрет Чайковского последнего года, кажется, что перед нами — глубокий старик.

— Как писал Асафьев, "он изживал себя в музыке", вместе с музыкой уходили его жизненные силы.

— Совершенно верно. (Мы переходим из гостиной, где до сих пор вели беседу, в спальню композитора. У окна — знаменитый стол, за которым он написал Шестую симфонию.)

— Я вижу, на столе Петра Ильича Чайковского царит такой порядок. Интересно, все эти вещи расставили и разложили заботливые руки работников музея или так было при его жизни?

— Так все и было. В том-то и парадокс Чайковского: поток эмоций, столько чувств, мог вспылить, разорвать письмо, горько разрыдаться — и вместе с тем был чрезвычайно рациональным, даже педантичным в быту и вообще в жизни.

— Наверное, с этой его чертой связано желание собирать, удерживать около себя разные мелкие вещи, о чем-то ему напоминающие, с чем-то связанным...

— Я это называю свойством благородной памяти. Такое ощущение, что в этом доме он жил, окруженный десятками людей, дорогих его сердцу. Вот, например, икона, которую Чайковскому подарили при рождении. Это самая старая вещь

в доме, и она всегда была с ним. Кстати, Модест Ильич, взявшись за создание биографии брата и опираясь на живших тогда тетюшек, дядюшек, записал любопытные подробности обстоятельства рождения Чайковского. Правда, в книгу он их не включил, так как посчитал неинтересными. Но нам-то сейчас все интересно! Так вот, оказалось, что Чайковский родился с какой-то огромной шишкой на голове. На следующий день шишку благополучно удалили.

Много таких штрихов... Например, Чайковский перенес в детстве тяжелую корь, потом вторичная корь. А мальчик чрезвычайно эмоциональный. Кто знает, быть может, такие заболевания наложили отпечаток на его дальнейшую жизнь.

— Позже, в десятилетнем возрасте, Петр Ильич заболел скарлатиной. И заразил другого мальчика, который умер. Чайковский это потрясло, он очень долго не мог оправиться — его мучило, что он стал причиной смерти...

— Да, смерти Коли Вакара. Кстати, цепь смертей, цепь несчастий, которым, как казалось Чайковскому, он был сопричастен, мучила его всю жизнь. Коля Вакар, Эдуард Зак, Антонина Ивановна Миллюкова, у которой после замужества жизнь, как известно, не сложилась, да и Надежда Филаретовна фон Мекк...

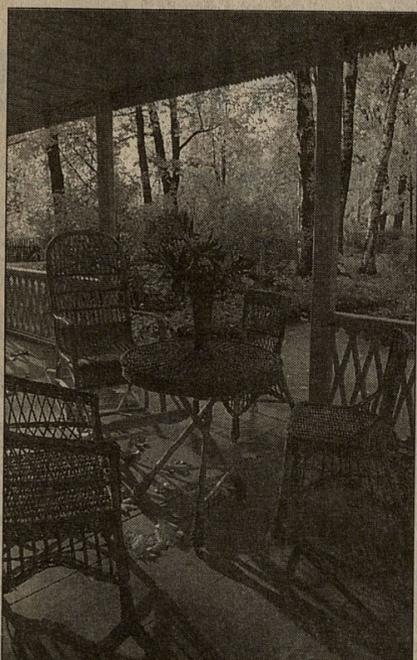
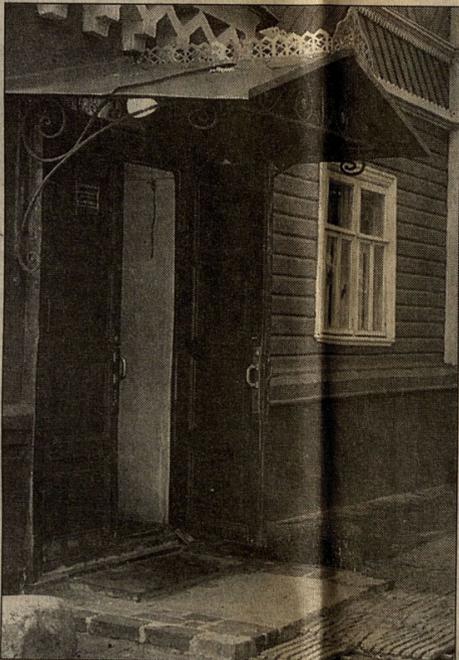
— Полина Ефимовна, давайте вернемся к вещам, дорогим сердцу Чайковского...

— Вот порттеры, подаренные Александром Ильичом Зилоти, замечательное кружево и вышивка на туалетном столике. Надо сказать, что Чайковский обожал вещи ручной работы и вообще все изящное. Когда позволяли средства, он шил у самых лучших портных, покупал самый лучший табак. У нас в архиве, кстати, хранится огромное количество этих квитанций, счетов. Когда мы делали выставку к 100-летию "Карнеги-холл" (а, как известно, Чайковский с триумфом выступал в этом зале) и перебирали архив, мы не уставали поражаться. Представляете, он все хранил: меню обедов, пароходный билет, какие-то проспекты, путеводители, — словом, "остановись, мгновенье, ты прекрасно!"

— А как он вел свои дневники! Там же буквально все зафиксировано: что он ел, что пил. Ну разве это похоже на дневники великих людей, куда они заносят, как правило, "великие", выношенные мысли?

— Да, но Чайковский ощущал себя великим. Не забывайте, что параллельно так называемым бытовым дневникам он вел и другой дневник — для потомков. И первая запись здесь о том, что, мол, после моей смерти потомкам, наверное, будет небезынтересно узнать о моих музыкальных пристрастиях, и далее он дает характеристики всем великим русским и западноевропейским музыкантам. Чайковский ведь писал, что его время — далеко впереди.

Беседу вела Татьяна СИДОРОВА

Слева: Дом-музей П.И. Чайковского в Клину: вход в музей и терраса

Слева сверху: Автограф П.И. Чайковский с фрагментом темы финала Третьей симфонии. Справа сверху: Один из последних прижизненных портретов П.И. Чайковского 14 марта 1893 г. Слева внизу: Уздольный город Клин

П.И. Чайковский и его ученик, скрипач И.И. Котек. Москва. 1877 г.

Обед в честь композитора во время его поездки по Кавказу. Тифлис. 1886 г. На первом плане — П.И. Чайковский и певица В.М. Зарудная